

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Иова — одна из самых загадочных и удивительных книг Ветхого Завета. Многие теологи, философы и поэты изумлялись тому, что она вообще вошла в библейский канон. Одни утверждали, что книга эта — по сути своей богоборческая, предъявляющая Богу неподобающие, еретические претензии по поводу того, что в мире нет справедливости, что он полон зла и в нем страдают невинные. При этом ссылались, например, на такое высказывание Иова:

Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же? (*Иов. 9, 24*)

Другие утверждали, что, наоборот, эта книга прославляет человека-праведника, который, даже перенося невыносимые мучения, невинно страдая, остается верен Богу. В поддержку второй точки зрения приводился, например, следующий стих:

Вот Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицом Его! (*Иов. 13, 15*)

Книга Иова вызывала, таким образом, самые противоположные оценки. Но в чем сходились все без исключения исследователи, так это в признании ее необычайной философской глубины и поэтической красоты. Датский философ Сёрен Кьеркегор, посвятивший Книге Иова одно из наиболее известных своих произведений «Страх и трепет», говорит, что у Иова «истина выражается убедительнее», чем у древних греческих или новейших университетских философов. Русский религиозный мыслитель Н. А. Бердяев пишет: «Книга Иова — одна из самых потрясающих книг Библии». Немецкий теолог XIX века Филипп Шафф утверждает: «Книга Иова возвышается, как пирамида, в истории литературы, без предшественника и без соперника». Английский историк и философ Томас Карлейль так высказывается о Книге Иова: «Я полагаю, что ни в Библии, ни где-либо еще не встречается ничего равного ей по литературному достоинству». Английский поэт Альфред Теннисон называет Книгу Иова «самой возвышенной поэмой древнего и настоящего времени». Она была любимой библейской книгой великого Гете. Так, в прологе «Фауста»

звучит диалог Бога с сатаной, подобный тому, который является завязкой всего действия Книги Иова. Всего в «Фаусте» насчитывается свыше 200 реминисценций из этой книги. Виктор Гюго называет Книгу Иова «величайшим произведением человеческого ума», т. е. как бы признает ее первенство среди всех философских творений человечества. Ломоносов, восхищенный Книгой Иова, написал «Оду, выбранную из Иова» — поэтическое переложение глав 38–41. Книге Иова особое внимание уделял Пушкин, говоривший, что в ней заключена «вся человеческая жизнь». Более того, великий поэт даже специально изучал древнееврейский язык с намерением переводить Книгу Иова на русский.

Вот об этой книге, единственной в своем роде во всей мировой литературе, мы и будем говорить.

...Несколько замечаний редакционного характера. Текст книги разделен на лекции, соответствующие главам Книги Иова. После древнееврейских и греческих слов в угловых скобках дается их русская транскрипция; звук, соответствующий древнееврейской букве ך, транскрибируется с помощью знака «ґ» (произносится сходно с украинским «г»). Библия цитируется по Синодальному переводу, за исключением тех случаев, когда автор дает свой перевод, на его взгляд более точно передающий смысл оригинала. При этом в библейских цитатах в квадратных скобках приводятся слова автора, вставляемые для связности речи или как пояснение. Кроме того, автор оставляет за собой право в отдельных случаях при цитировании Синодального текста производить некоторые лексические и грамматические изменения в целях уточнения перевода. В ссылках на текст Библии используются стандартизованные сокращения названий входящих в нее книг (соответствие сокращений полным названиям можно установить по Библейскому указателю).

Доработанный и снабженный дополнительным справочным аппаратом вариант настоящей книги предполагается в дальнейшем включить в состав многотомника «Введение в Ветхий Завет» (на данный момент издательством «Оклик» опубликованы три первых тома; кроме того, отдельным изданием выпущено толкование на Книгу Даниила: *Щедровицкий Д. В. Пророчества Книги Даниила. 597 год до н. э. — 2240 год н. э. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Оклик, 2006. — 278 с.*). Замечания и пожелания читателей данной книги будут приняты во внимание при подготовке соответствующего тома.

Автор также выражает глубокую благодарность всем лицам, оказавшим помощь при подготовке настоящей книги к изданию, и в особенности — М. С. Алерганту, Г. М. Дербаремдикеру, Р. П. Дименштейну, М. А. Крутикову, С. В. Кургалимову, И. В. Лариковой, Л. С. Ларикову, М. Н. Овчинниковой, С. Г. Пирогову, Ю. И. Хаткевичу, П. Н. Цыплакову, Ш. Шпруте, А. Г. Яковлеву и Ю. Г. Яниковой.

Глава 1

ПОЧЕМУ СТРАДАЕТ ПРАВЕДНИК? ОТВЕТ ШУМЕРА И ЕГИПТА

Книге Иова принадлежит в масоретской Библии третье по счету место в разделе Кетувим (Писания). А в Септуагинте она следует за Книгой Есфирь, одновременно и замыкая корпус исторических книг, и открывая корпус книг поэтических и философских: вслед за ней сразу идет Псалтирь.

Место, которое занимает Книга Иова в Священном Писании, обусловлено тем, что она традиционно рассматривалась как очень древняя. Существовало предание, что по сроку создания эта книга предшествовала самому Пятикнижию, являясь древнейшей поэтической книгой и одновременно старейшей из «книг премудрости».

Сам Иов предсказывал, что его слова на веки вечные сохранятся в памяти человечества. И хотя предречение Иова выглядит как пожелание, всё же его смысл — пророческий:

О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге

Резцом железным... на вечное время на камне вырезаны были! (*Иов. 19, 23–24*)

Это предсказание Иова сбылось. В памяти человечества, словно на вечном камне, как бы железным резцом «начертаны слова» Иова: его безысходный плач, его непрестанное звание к Богу, его философские вопрошания и утверждения.

Обратим внимание еще на одну деталь: здесь говорится о весьма архаичном способе записи. Похоже, что во времена Иова писали еще не на коже, даже не на глине, как в древнем Междуречье, а «резцом железным... на камне» (буквально «на скале» — др.-евр. 𐤍𐤒𐤕 *цур*). Надписи на камне относятся к самым древним письменным памятникам человечества. В связи с этим возникает вопрос не только об авторстве, но и о способе записи книги. Кто записал

речи Иова, кто придал им литературную обработку, когда написана книга, где создана, где жил сам Иов и кем он в действительности был? Мнений существует множество. Высказывалось и такое: книга-де написана довольно поздно — во время вавилонского пленения или даже после него, а сам автор жил где-то на северо-западе Аравии и был иудеем, бежавшим из Иерусалима от войск Навуходоносора. Якобы во времена вавилонского царя Набонида (VI в. до н.э.) его стада и всё имущество подверглись разграблению халдеями (ср.: Иов. 1, 17), и сам он пережил страшные бедствия. Но когда, мол, вавилоняне из Аравии ушли, к нему возвратились богатство, слава и прочие утраты. Это мнение с легкостью опровергается содержанием самой книги, а также независимыми от нее упоминаниями Иова в Писании. Дело в том, что в Книге Иезекииля Иов дважды называется рядом с Ноем, а, следовательно, оба они считаются древнейшими праведниками. Иезекииль жил как раз в VI веке до н. э., и если бы Иов был его современником, то вряд ли удостоился бы упоминания в качестве столь древнего и авторитетного лица.

Другое мнение «поселяет» Иова к востоку от Святой земли, где-то в краях арамейских, граничащих с Междуречьем, — и, соответственно, считает его арамейским мудрецом, хотя и не опирающимся на иудейскую традицию, но всё же как-то с ней связанным (арамейские родословия достаточно четко представлены в Библии).

Однако наиболее аргументировано то мнение, согласно которому этнически Иов — эдомлянин (идумей), потомок Исава. Как известно, эдомляне, происходившие от праотцев Авраама и Исаака (но не от Иакова), в определенной мере сохраняли воспоминание о завете Господа с патриархами и отчасти соблюдали основные заповеди этого завета — правда, в некоторой степени искаженные и «обязыченные» последующими поколениями. Эдомляне были как бы двоюродными братьями израильтян, т. е. родственниками достаточно близкими, говорившими на сходном языке, имевшими ряд похожих черт в мировоззрении; но тем не менее эти два народа со временем стали чужды друг другу, а иногда и враждовали между собой.

Таким образом, Иов — праведник, живший в стране Едома, — следует традиции не израильской, но близкой к ней, восходящей к основам праведности народов мира, сложившимся еще при Ное, — к той «дозаконной», существовавшей до Синайского откровения, праведности, которая была известна на земле прежде разделения человечества на отдельные народы.

Откуда же известно, что Иов жил в Едоме? Первый же стих Книги Иова говорит:

Жил человек в земле Уц, имя его Иов... (*Иов. 1, 1*)

Название страны Уц мы находим также в Плаче Иеремии, где оно относится к земле потомков Исава–Едома. Пророк, описывая нападение эдомлян вместе с вавилонянами на Иерусалим, восклицает:

Радуйся и веселись, дочь Едома, обительница земли Уц! И до тебя дойдет чаша... (*Плач. 4, 21*)

Здесь чаша — символ бедствий, а значение сказанного — в том, что вавилоняне не остановятся на завоевании Иудеи, но впоследствии нападут также и на эдомлян, тогдашних своих союзников.

Иов, вполне возможно, жил к югу от Святой земли, на границе между нею и Синайским полуостровом (а может быть, и с некоторым смещением в сторону Аравии); следовательно, жизнь его проходила в регионе, где обитали многие мудрецы древности (см. III Цар. 4, 30–31).

Когда же разворачивались события, описанные в Книге Иова? Согласно ряду иудейских преданий — до исхода израильтян из Египта, следовательно, где-то в первой половине II тысячелетия до н. э. Предание отождествляет Иова с царем Иовавом, который упомянут в главе 36 Книги Бытия. Там говорится о царях, которые стояли во главе Едома «...прежде, чем воцарился царь над сынами Израиля...» (таков буквальный перевод; в Синодальном тексте: «...прежде царствования царей у сынов Израилевых...»). Напомним, что первым царем над Израилем древнейшая традиция признавала отнюдь не Саула, а самого Моисея:

Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова.

И он был царь Израиля, когда собирались главы народа вместе с коленами Израилевыми. (*Втор. 33, 4–5*)

Таким образом, с точки зрения древних иудейских толкователей, события жизни Иова относятся к домоисеевым временам:

Вот цари, царствовавшие в земле Едома прежде царствования царей у сынов Израилевых...

<...>

И умер Бела, и воцарился по нем Иовав, сын Зераха, из Восоры. (*Быт. 36, 31–33*)

Боцра (в Синодальном переводе «Восора»; араб. Бузейра) — один из древнейших городов Едома, недавно обнаруженный археологами и отождествленный ими с библейской столицей Едома. Царь, выходец из Боцры, носил, как видим, имя «Иовав» (יובב <Йовав>), что очень похоже на «Иов» (יוב <Ийов>); последнее имя может быть модификацией первого.

Обратим внимание на интересную деталь: отца Иовава звали Зерах, а до Иовава над Едомом царствовал Бела. И если просмотреть весь этот список царей, мы увидим, что царская власть не передавалась по наследству. Царствует не сын предшествующего властелина, а его преемник. Отсюда исследователи заключают (и то же самое известно о параллельных, родственных, культурах Ханаана — угаритской, эблаитской и других), что в ряде государств данного региона царская власть была выборной. Обладая большими полномочиями, царь, тем не менее, обычно не имел возможности передать свою власть сыну, как это происходило и в Израиле в период судей: судья умирал, а его преемник «восставал» из совсем другого рода, часто из иного колена (см., однако, исключения из данного правила — например, изложенную в главах 8 и 9 Книги Судей историю Авимелеха, сына Гедеона).

Но если действительно Иов тождествен царю Иоваву, правившему во II тысячелетии до н. э. в земле Уц, т. е. в Едоме, то совсем в другом свете предстают и его речи. Если это был не просто богатый и знатный человек, но царь, то произошедшее с ним явилось крушением не только материальных основ его жизни, но и опор его мировоззрения, ведь он надеялся своей праведностью заслужить милосердие Бога, а оказался жертвой событий и обстоятельств, которые привели его к величайшему поношению и бесчестию, особенно унижительным для его царского достоинства. На Древнем Востоке считалось, что царь олицетворяет здоровье, благо и долгоденствие всего народа. Как только царь лишался благодати небесной, проявлявшейся в успешной деятельности, его могли сместить, изгнать, убить, чтобы он, возглавляя страну, не навлек бедствий на свой народ, поскольку внешние поражения однозначно воспринимались как знак немилости высших сил. Вспомним фиванского царя Эдипа, который, как только стало известно, что он виновен в бедствиях, постигших Фивы, ушел в добровольное изгнание. Если бы Эдип не ушел, его могли бы выдворить силой или даже убить. Подобное случилось с Иовом: когда на него обрушились страшные испытания, допущенные Господом, он сразу был свергнут с престола, став мишенью для всяческих бесчестий

и издевательств — вплоть до того, что уличные мальчишки смеялись над ним и бросались в него камнями и комьями грязи.

Сказано ли где-либо еще, что Иов был царем? Обратимся к самой Книге Иова:

...Когда я выходил к воротам города и на площади ставил седалище свое, —

Юноши, увидев меня, прятались, а старцы вставали и стояли;

Князья удерживались от речи и персты полагали на уста свои;

Голос знатных умолкал, и язык их прилипал к гортани их.

(Иов. 29, 7–10)

На чье появление это похоже? Чей публичный «выход» бывал обставлен подобным образом? Именно правитель города садился обычно на площади «у ворот». Согласно библейским, а также древнеханаанейским данным, там происходил городской суд. Близ городских ворот было главное место народного собрания, здесь располагалась площадь, подобная древнегреческой агоре. Иов «на площади ставил седалище», т. е. трон для суда, а «старцы вставали и стояли» — конечно, так приветствуют только правителя; «князья удерживались от речи» — младший в присутствии старшего по возрасту или чину не говорил; «голос знатных умолкал» — князья молчали в присутствии царя. Далее сказано:

...Потому что я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного. *(Иов. 29, 12)*

Каким образом спасал? Конечно, посредством справедливого суда. Иов возглавлял суд, на который страдальцы — сироты, вдовы и другие — представляли свои жалобы и дела. Такой руководитель суда назывался по-финикийски «суффет», а по-древнееврейски «шофет», т. е. «судья»; одновременно он был и правителем данной области.

Далее говорится:

Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия и увясло. *(Иов. 29, 14)*

Иов упоминает «мантию» как нечто ему весьма подобающее и привычное. В оригинале употреблено слово לַיִטָּן *«мэйль»* — буквально «верхнее»: это торжественное облачение, длинная риза, которую носили лица царского достоинства (а также израильский первосвященник — Исх. 28, 4; 31–35).

Затем сказано:

Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное. (*Иов. 29, 17*)

Значит, Иов был наделен такой властью, что мог «сокрушать» беззаконника своим приговором, если была доказана его вина.

И говорил я: в гнезде моем скончаюсь, и дни *мои* будут многи, как песок... (*Иов. 29, 18*)

«...В гнезде моем...» — слово גֶּזֶז «кэн» означает не только «гнездо», но и «обитель», «огороженное пространство» (ср.: Быт. 6, 14, где то же слово во множественном числе, קִנְיִם «кинйм», означает отделенные друг от друга помещения). Очевидно, Иов жил в благоустроенном жилище (вероятно, во дворце), окруженный почестями. Наконец, далее Иов прямо назван царем:

Я назначал пути им и сидел во главе и жил, как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих. (*Иов. 29, 25*)

В древнесемитской поэзии «как царь» — это совсем не обязательно сравнение и может значить «в качестве царя», т. е. был царем и жил в кругу воинов (ср. «как утешитель» — т. е. реально был утешителем плачущих).

Так вот, оказывается, что произошло в действительности с Иовом: как только на него обрушились великие беды, он был свергнут со своего трона, стал презренным, его обвиняли в том, что он крайне грешен, навлек на свой народ гнев Божий... И только несколько человек, величайшие мудрецы поколения, собрались к Иову, несмотря на всеобщее к нему презрение, на отверженность, ставшую его уделом. Эти-то мудрецы, стоявшие выше общего мнения и предрассудков толпы, и пытались утешить Иова в его горе.

...Человечество, начиная с середины XIX века, благодаря археологическим открытиям и лингвистическим исследованиям, получило доступ к литературе народов, окружавших древний Израиль и принадлежавших, в широком смысле, к библейскому миру. Поэтому встает вопрос: если такой сюжет, как страдания невинного, отраженный в Книге Иова, действительно относится ко II тысячелетию до н. э., то можно ли обнаружить какие-нибудь параллели к нему, какие-либо вариации его у соседей древних израильтян?

Такие параллели и в самом деле имеются. Самые известные из них (хотя сейчас найдены источники и с некоторыми новыми

вариациями сюжета, в частности угаритские) — это художественные тексты, происходящие из Египта и Междуречья. Притом в Междуречье обнаружено несколько версий повествования о невинном страдальце. Древнейшие из них относятся к шумерским временам и условно называются в науке «Страдания невинного», или «Безвинный страдалец». Другие, более поздние, относятся уже к аккадской, вавилоно-ассирийской эпохе и в ряде современных изданий носят название «Вавилонская теодицея».

Слово «теодицея» означает «защита Бога» и применяется к произведениям, имеющим целью доказать, что Бог (речь может идти и о языческих богах) абсолютно справедлив и нелицеприятен, несмотря на то, что в мире мы встречаемся с несправедливостью и злом, которые провидение Божье допускает и проявлениям которых не препятствует. Как согласовать положение, согласно которому Бог безмерно любит человека, с тем, что Он, тем не менее, допускает в мире множество зла? Подобные вопросы уже в древние времена обсуждались в произведениях художественной литературы, философии и богословия, относящихся к жанру теодицеи.

Так, «Вавилонская теодицея» содержит некоторые темы и образы, встречающиеся также и в Книге Иова. Возникает вопрос: отразились ли в Книге Иова «вавилонские реминисценции» или же сама «Вавилонская теодицея» является местной версией того предания об Иове, которое в древности было известно многим народам? «Вавилонская теодицея» — это диалог между страдальцем, испытавшим страшные, непоправимые удары судьбы, и его другом, который, пытаясь его утешить, приводит разные аргументы — от житейских до философских и религиозных, подобно тому, как утешают Иова его трое друзей. Друзья Иова не столько утешают, сколько обличают его, обвиняя в грехах. Их неправоту осудил Всевышний, «берущий слово» в конце книги. И в «Вавилонской теодицее», где ни разу не раздается речь какого-либо божества и всё остается на уровне общения чисто человеческого (в этом основное различие между двумя произведениями), друг также обращается к страдальцу с упреками.

Вот что говорит вавилонский страдалец:

Где же советчик? хочу рассказать [свое] горе:
Конченный [я человек]; настигло [меня] страданье.
Младшим я был [в семье]— и судьбою отец похищен;

Мать, [что] меня родила, обратилась
 к Стране без возврата —
 Отец и родительница моя оставили меня без защиты.¹

Подобного сюжета нет в Книге Иова. Он уже старец, насыщенный днями, родители его умерли давно, зато у него погибают все дети, что, конечно, не менее, а гораздо более трагично. Правда, в контексте традиционной вавилонской образности жалоба страдальца могла рассматриваться и как иносказание. Нередко в вавилонских, да и в иных текстах Древнего Междуречья человек, когда приходит беда, вспоминает, что он сирота, сравнивая свою защищенность в детстве с незащищенностью во взрослом состоянии.

Друг выступает и как утешитель, и как обличитель вавилонского страдальца. Вот слова друга:

Друг мой почтенный, что сказал ты — печально.
 [Милый] мой, помыслы ты на зло направил,
 Ум твой высокий [рассудку] глупца уподобил.
 Облик твой светлый мрачным сделал.

Первые же слова утешения звучат горьким обвинением: из речи друга следует, что страдалец духовно заблудился, разочаровался в своих прежних убеждениях, в которых был воспитан, перестал почитать богов, упрекает их в своих бедах и т. д. Всё это напоминает обвинения, посыпавшиеся на голову Иова из уст его товарищей. Далее друг утверждает, что тот, кто истинно служит богам и не грешит пред ними, всегда удачлив. С подобными же словами обращаются и друзья-мудрецы к Иову. «Вавилонская теодицея» содержит следующие утверждения:

Лоснится богач — кто его осчастливил? —
 Служащий богу — в делах удачлив,
 Чтущий богиню — копит богатства.

Однако, как бы игнорируя эти обычные, графаретные, и, может быть, ставшие уже в те времена пошлыми, слова об обязательной удаче тех, кто чтит богов, страдалец отвечает:

Сковано тело, нужда [меня мучит],
 Успех мой минул, прошла удача,

---

¹Фрагменты «Вавилонской теодицеи» даны в переводе И. С. Ключкова и приводятся по изданию: *Хрестоматия по истории Древнего Востока.*— М.: Высшая школа, 1980. Ч. 1.

Сила ослабла, кончилась прибыль.
Тоска и беда затмили мой облик.

Здесь нет ни слова о собственной праведности или несправедности, хотя позже он и называет себя служителем и почитателем богов, верным тем заповедям, которые боги ниспослали людям:

Задержал ли я приношенья? — Богу молился,
Посвящал я жертвы богине,
но [не услышано] мое слово.

В ответ друг утверждает, что к страдальцу вернется прежняя радость, возвратится благословение свыше, если только он раскается в каких-то скрытых грехах и будет молиться богам:

Истину ты отвергаешь, предназначения бога
поносишь!
Не соблюдать ритуалы богов ты возжелал в своем
сердце...
<...>
Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил...
...Изгнал ты мудрость.
Разумное ты презрел, установленное опоганил.
<...>
Следуй стезею бога, храни его обряды.
<...>
Что твой успех, если божьей воли не ищешь?

Это очень похоже на то, что говорят друзья Иову. Вавилонский страдалец, казалось бы, в отличие от Иова, готов прислушаться к доводам своего друга, что видно из его слов:

Склоняюсь, мой друг, пред тобой;
мудрость твою принимаю.
[Слушаю] слово речи твоей.

Но, видимо, это обращение — с ироническим подтекстом. Из уважения страдалец говорит, что принимает слова друга, а на самом деле возражает ему и опровергает его доводы:

Дикий осел, онагр, что [травой] набивает утробу,
Внимал толкователю божественных истин?
Свирепый лев, что добрую плоть пожирает,
Жертву принес, чтобы успокоить гнев богини?

Иными словами, даже дикие звери благоденствуют: и онагр, поедающий траву, и лев, который терзает другие существа. Они благоденствуют, хотя и не внимали чтению священных книг, и не приносили жертв богине (очевидно, Иннана—Иштар, главной богине Вавилона). А вот он, страдалец, который чтит богов и богинь, брошен без помощи, оказался в пучине зла и страшно бедствует — следовательно, в мире нет справедливости:

Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню.
[Но] я влек ярмо бесприбыльной службы...

В ответ на такие рассуждения страдальца его друг провозглашает, что пути и дела богов непостижимы.

Примерно в такой же последовательности сменяют друг друга доводы Иова и его друзей. Сначала друзья пытаются уверить Иова в том, что всё в мире постижимо умом и тот, кто действительно чтит Бога, благоденствует. Но после того, как Иов на своем примере, да и на многих других, опровергает их речи, они начинают утверждать, что «пути Господни неисповедимы», что нет прямой связи между благочестивым поведением и наградой, а потому и говорить об этом не следует. Иов же продолжает добиваться истины и все-таки страстно жаждет узнать, почему он так жестоко мучается.

Подобное происходит и со страдальцем из Вавилона. Друг говорит ему:

Пальма, роскоши древо, мой брат драгоценный,
Исполненный мудрости золотой самородок.
Ты ведь стоишь на земле, [а] замыслы бога далече.

Этими словами друг пытается утешить страдальца, указывая на его несомненные достоинства, но одновременно утверждая, что тот ошибается, стараясь установить прямую связь между поведением человека и воздаянием свыше: ведь «замыслы бога далече» — они непостижимы. Обратим внимание, что еще недавно они представлялись другу вполне постижимыми:

[Кто ритуалы свершает] — от тяжких трудов
избавлен.

Но именно данный тезис и опровергает страдалец: согласно его опыту, подобное воззрение не объясняет той реальности, которую

мы наблюдаем. Однако общение двух вавилонян не выходит за пределы взаимной благожелательности и прямо-таки уснащено различными комплиментами. Так, страдалец говорит другу:

Разум твой — северный ветер,
дуновенье, приятное людям.

Прочитав эти слова, мы представляем себе жаркую страну, опаленную засушливым южным ветром, несущим песок, в то время как северный ветер, напротив, приносит приятную прохладу. Так воспринимает страдалец речи друга, направленные на восстановление его душевного спокойствия. Итак, эти двое беседуют между собой куда почтительнее, чем Иов со своими друзьями. Иов гораздо более непримиримо отвечает пришедшим к нему утешителям — наверное, не только потому, что он переживает более тяжкие муки, чем вавилонский страдалец, но и в связи с общей направленностью его жизни на праведность, а души — на поиски Бога и общение с Ним. Вавилонянину легче подбирать слова для комплиментов в адрес друга:

Избранный друг мой, совет твой прекрасен.
Одно [только] слово тебе я добавлю:
Дорогой успеха идут те, кто не ищет бога,
Ослабли и захирели молившиеся богине.
Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню.
[Но] я влек ярмо бесприбыльной службы, —
Бог положил вместо роскоши бедность;
Дурак впереди меня, урод [меня] выше, —
Плуты вознеслись, а я унижен.

И далее страдалец переходит от несчастий собственной жизни к широким обобщениям: справедливости нет нигде, повсюду торжествует зло:

Демону бог не закрыл дороги.
<...>
...Превозносят дела важного,
[хотя] он изведал убийство,
Унижают малого, что зла не делал.
Утверждают дурного, кому мерзость — [как правда].
Гонят праведного, что чтил волю бога.
Наполняют золотом ларец злодея,
Выгребают из закромов жалкого пищу.

Укрепляют сильного, что с грехом дружен,
Губят слабого, немощного топчут.

Иов тоже переходит от собственных страданий к социальным обобщениям, прозрениям, касающимся всей истории человечества, и говорит, что благоденствуют нечестивые, возвышаются забывшие Бога, что они грабят праведных, унижают сироту и вдову, отбирают последнее у бедняка (Иов. 21, 7–34; 24, 1–14).

В вавилонской поэме друг страдальца вновь и вновь ссылается на то, что замыслы богов для людей непостижимы:

Точно середина небес, мысли богов [далеко];
Слово [из] уст богини не понимают люди.
Верно понять [решенья богов заказано человеку],
Замыслы их для людей [недоступны].

Но со стороны страдальца множатся обличения, они становятся буквально разящими, и его друг постепенно замолкает, уже не находя аргументов. Вот пример такого яркого, афористичного обличения:

Без бога мошенник владеет богатством...

Чем же заканчивается поэма? Молитвой. Ни к какому другому исходу ни страдалец, ни его друг не приходят. Страдалец говорит:

Головы не подъямлю, в землю смотрю я:
Точно раб, не молюсь я в собрании равных.
Боги, что бросили меня, да подадут [мне] помощь,
Богиня, что [бежала], да возымеет милость.
Пастырь, солнце людей, как бог, упасет [человеков]!

Возможно, именно к вавилонской поэме с гораздо большим основанием, чем к Книге Иова, можно отнести подозрения тех критиков, которые утверждают, что подобные произведения подвергались допискам, дополнениям, изменениям. Какие-то благочестивые жрецы действительно могли приписать страдальцу слова смирения и покорности, следующие за открытым и непримиримым бунтом. Ясно, что вавилонским жрецам было не очень приятно слышать или читать, как обличают богов, как утверждают, что они не приходят на помощь к людям, и поэтому в уста страдальца в конце поэмы они вложили столь кроткую и смиренную молитву.

Подчеркнем, что эпоха, в которую сложился сюжет данного произведения, — это первая половина II тысячелетия до н. э., т. е. время, когда жил Иов.¹

...Другое, очень высокого художественного достоинства, произведение было создано в Египте, тоже во II тысячелетии до н. э., во времена смуты и иноземного нашествия (между эпохами Среднего и Нового царств), когда эта страна испытывала величайшие трудности: начались восстания, мятежи, и поколеблены были основы существования всего народа, в особенности же знатных египтян. Это знаменитое произведение названо в переводе Веры Потаповой «Спор разочарованного со своей душой»².

«Разочарованный», очевидно, бывший ранее человеком знатным и богатым, потерял всё, был «вышвырнут из дома своего», как он сам говорит, и стал ненавистен и презрен в глазах людей, подобно Иову и вавилонскому страдальцу. Начинается его жалоба так (притом беседует он не с другом и не с божеством, а с самим собой, со своей душой):

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как рыбы отбросы
После ловли, под небом раскаленным.

Здесь мы переносимся в Египет и видим жаркую долину Нила и отбросы — рыбы кости и чешую, которые гниют под солнцем и издают зловоние. Такое же отвращение вызывает у окружающих имя «разочарованного».

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как навет непристойный
На отрока, чистого сердцем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, словно город-изменник,
Что задумал от царства отложиться.

---

¹ Сама «Вавилонская теодицея» записана (или сочинена?) жрецом Эсагилкиниуббимом в начале XI века до н. э., однако существуют ее прототипы (часто текстуально близкие) на шумерском и аккадском языках, созданные в первой половине II тысячелетия до н. э.

² См.: *Лирика Древнего Египта*. — М.: Художественная литература, 1965.

Несомненно, в жалобе отразился жизненный опыт ее автора. Вероятно, он был гоним, преследуем и лишился всего. Сквозь призму собственной судьбы автор рассматривает общественные отношения, выразительные приметы своего времени. Лик эпохи проступает сквозь обстоятельства его жизни.

Подобное мы находим и у Иова. Очень часто он утверждает, что нельзя доверяться друзьям, ближним, все предали его, все отступили, все его возненавидели (Иов. 6, 15–27; 19, 13–19; 30, 1–12). То же говорит и египтянин:

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.

Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику,
Вывелись добрые люди.

Последние строки этой жалобы как бы ставят точки над «i», изображая уже не отдельную судьбу, но черты целой эпохи:

Кому мне открыться сегодня?
Бремя беды на плечах,
И нет душевного друга.

Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,
Нет ему ни конца, ни края.

Так от частных обвинений и жалоб, связанных с его собственной участью, автор переходит к панораме всеобщего бедствия, охватившего в ту пору Египет.

Жалобы египтянина связаны с мыслью о смерти. В Книге Иова мы находим слова о том, что смерть желанна всем, кто тяжело страдает; там даже говорится, что есть люди, которые

...Вырыли бы ее охотнее, нежели клад,
Обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли
гроб... (Иов. 3, 21–22)

Смерть, которой большинство людей страшится, для мучительно бедствующих является настоящим сокровищем. И примерно в таком же духе, даже в похожих выражениях, рассуждает о смерти египтянин:

Мне смерть представляется ныне
Исцелением больного,
Исходом из плена страданья.

Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сидением в тени паруса, полного ветром.

Действительно, в жаркой Нильской долине, особенно летом, нет большего блаженства, чем плыть под парусом на весельном корабле и наслаждаться освежающим ветром.

Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьянения.

<...>

Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

Приведенные слова являются, может быть, первой записью тех гностических воззрений, которые получили развитие именно на земле Египта еще в дохристианскую эпоху и содержат ту мысль, что жизнь земная на самом деле есть смерть, а смерть есть жизнь. В позднейшей греческой передаче этой мысли имеет место игра слов: «сома» («тело») есть «сэма» («могила»). Бессмертная душа, будучи уловлена в земные сети, находится как бы в могиле: она заключена в тело, как в гроб или темницу. А потому исход души из тела есть возвращение в высший мир, полное радости и счастья.

Последнее, о чем «разочарованный» сообщает своей душе, — это обетование загробного блаженства; подобного нет в Книге Иова. Египетский страдалец, испивший полную чашу бед и мучений, вдруг духовно прозревает, начинает «воспринимать сигналы» из иного мира и утверждать, что смерть не только представляется ему чем-то блаженным, но таковой и является.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.

Казалось бы, такие слова, описывающие радости загробной жизни, расходятся с содержанием Книги Иова; но при ближайшем рассмотрении и здесь обнаруживается некое сходство. В Книге Иова также есть определенный намек на подобное мировоззрение. Несмотря на то, что многие исследователи отвергают правомерность перевода, представленного в Синодальном тексте, всё же воспользуемся им:

А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит
из праха распадающуюся кожу мою сию,
И я во плоти моей узрю Бога.
Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его.
Истаивает сердце мое в груди моей! (*Иов. 19, 25–27*)

Сравним с оригиналом. В буквальном переводе начало текста звучит примерно так: «А я узнал: мой Избавитель жив, и последним над прахом Он восстанет. И после того, как эту мою кожу обдерут, из плоти моей я буду созерцать Бога». Как видим, в древнееврейском тексте явно присутствует утверждение о бессмертии духа и посмертном Богообщении.

Они и вправду похожи — надежда «разочарованного» на беседы с божеством Ра и надежда Иова на непосредственное, лицом к лицу, общение с Богом после смерти («в последний день»).

Таким образом, между тремя упомянутыми произведениями — входящей в Священное Писание Книгой Иова, прекрасным творением Древнего Междуречья «Вавилонская теодицея» и египетской поэмой высокого звучания «Спор разочарованного со своей душой» — наблюдается немало общего. А главное — приведенные параллели с ясностью свидетельствуют, что Книга Иова вполне могла быть создана в первой половине II тысячелетия до н. э., по-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru